

Искусство говорить и слушать

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Mortimer J. Adier

How to Speak How to Listen

A TOUCHSTONE BOOK
Published by Simon & Schuster

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Мортимер Адлер

Искусство говорить и слушать

Перевод с английского
Ларисы Плостак и Александра Анваера

Издательство
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
Москва, 2013

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 808.54
ББК 83.7
А31

Дизайн выполнен
студией Sign. Books design

Издано с разрешения Touchstone, a division of Simon & Schuster Inc.

Адлер, М.
А31 Искусство говорить и слушать / Мортимер Адлер; пер. с англ. Ларисы Плотак и Александра Анваера. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 256 с.
ISBN 978-5-91657-580-4

Почему некоторым людям удается доносить свои мысли ярче и выразительнее, а чужую точку зрения воспринимать глубже и вдумчивее, чем другим? Где и как обучиться искусству говорить? А умению слушать? Книга Мортимера Адлера, известного философа, преподавателя, главы редсовета энциклопедии «Британника» посвящена ответам на эти вопросы.

Цель человеческого общения, по мнению Адлера, — это «встреча сознаний», и поэтому «разговор» должен стать принципом жизни, а образованность – принципом взаимоотношения человека со знанием.

Эта вторая, фундаментальная работа философа вслед за интеллектуальным бестселлером «Как читать книги». Здесь автор анализирует, в чем состоит процесс коммуникации, как сделать его максимально эффективным с обеих сторон: говорящего и слушающего.

УДК 808.54
ББК 83.7

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978-5-91657-580-4

© Mortimer J. Adler, 1983

© Перевод на русский язык. Издание на русском языке.

Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

Оглавление

Предисловие.	7
ЧАСТЬ I. ПРОЛОГ	
Глава первая. Мастерство, которому не учат	19
Глава вторая. Частное и общественное	26
ЧАСТЬ II. НЕПРЕРЫВАЕМАЯ РЕЧЬ	
Глава третья. «Это всего лишь риторика!»	33
Глава четвертая. «Расхваливание товара» и другие формы убеждающей речи.	39
Глава пятая. Лекции и другие формы обучающей речи.	53
Глава шестая. Подготовка речи и выступление	69
ЧАСТЬ III. МОЛЧАЛИВОЕ СЛУШАНИЕ	
Глава седьмая. Сознательное слушание	81
Глава восьмая. Ведение записей во время слушания и после	91
ЧАСТЬ IV. ДВУСТОРОННИЙ РАЗГОВОР	
Глава девятая. Обмен вопросами и ответами. Форум.	103
Глава десятая. Типы разговора	112
Глава одиннадцатая. Как сделать разговор полезным и приятным	119
Глава двенадцатая. Встреча сознаний	137
Глава тринадцатая. Семинары: обучить и выучить в дискуссии	145
ЧАСТЬ V. ЭПИЛОГ	
Глава четырнадцатая. Роль разговора в жизни человека	157

Оглавление

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Речь памяти Харви Кушинга, произнесенная на ежегодном собрании Американской ассоциации нейрохирургов в апреле 1982 года.	175
Приложение 2. Двенадцать дней аспенского семинара (Отчет о семинарах в Аспенском институте гуманитарных исследований в августе 1972 года).	199
Приложение 3. Семинары для юношества — неперемнная составляющая базового школьного образования (Выдержки из статьи, опубликованной в «Журнале школьных советов» в январе 1982 года)	235
Об авторе.	241

Предисловие

Когда не говорите с тем, с кем можно говорить, то упускаете таланты; когда же говорите с тем, с кем говорить нельзя, то тратите слова напрасно. Но умный никого не упускает и не тратит слов напрасно.

Конфуций. Луньюй*

Но такой уж мой всегдашний обычай, что, когда кто-нибудь что-нибудь говорит, я прилагаю свой ум, хотя бы, впрочем, говорящий и казался мне мудрецом, — и, желая узнать, что, собственно, он говорит, я расспрашиваю и пересматриваю и сопоставляю его слова, чтобы понять их. А когда говорящий кажется мне плох, то я и не переспрашиваю, и нет мне заботы, что он там говорит. На этом самом ты и узнаешь, кого я почитаю мудрыми: так как ты всегда увидишь, что я озабочен тем, что говорит такой человек, и выспрашиваю у него, чтобы, научившись, получить какую-нибудь пользу.

Платон. Иппий Меньший**

* *Конфуций. Луньюй // Уроки мудрости: Соч. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2012. С. 99.*

** *Платон. Иппий Меньший // Диалоги: Протагор, Большой Иппий, Иппий Меньший, Евтидем, Евтифрон, Апология Сократа, Критон. М.: Академический Проект, 2011. С. 147.*

Мортимер Адлер, по сути, уникальный человек: на протяжении всей своей жизни он искал и нашел такой алгоритм построения процесса работы с информацией, который помогает духовному наполнению личности. В его первом произведении «Как читать книги» уже проскальзывали элементы систематизации аналитических инструментов познания Великих Книг. Это издание стало как бы фундаментом для написания следующего труда — «Искусство говорить и слушать».

Задумываемся ли мы над тем, как говорим и общаемся? Понимаем ли окружающих, умеем ли слушать? Владеем ли мастерством правильно мыслить или охвачены «искусством пустословия»? Строим ли «Цивилизацию диалога»* или поднимаем «Деревню “невежд без души”**», охваченных «художественной болезнью», когда «внимают искусству духовно глухим ухом и созерцают искусство духовно слепым глазом»***? Способны ли не только находить собственное счастье в понимании, но и дарить его другим? Чему следует учиться и как? Эти жизненные вопросы еще с античных времен являлись центральными в процессе самопознания, а беседы и диалоги служили важными формами обучения: в дискуссиях происходило познание мира и поиск истины.

Поэтому «Искусство говорить и слушать» — это произведение, позволяющее нам увидеть культурный срез общества, в котором бытуют различные точки зрения, а человек обладает умением внимать, писать, читать и вести диалог, сделав свою речь эффективной, превратив ее в удобное средство общения. В этом плане Адлер создает свою философию взаимодействия человека с окружающим миром, выстраивая определенный порядок. Он, углубляясь в сущность «алгоритма четырех»****, раскрывает главное — как научиться использовать

* Цит. по М. Адлеру наст. изд. С. 166.

** «Без нее [души] просвещеннейшая умница — жалкая тварь. Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление». *Фонвизин Д. И. Недоросль // Пьесы. М.: Художественная литература, 2001. С. 95.*

*** *Ильин И. А. Что такое искусство // Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 1153.*

**** В данном случае подразумеваются, как обозначил М. Адлер, искусства говорения, писания, чтения и умения слушать.

слово для чтения и письма, говорения и слушания. Как неоднократно подчеркивает писатель, еще с античных времен данные навыки позволяли осваивать так называемые свободные искусства: искусство слова (грамматику и риторику), искусство вести спор и логично думать (диалектику), искусство числа или точные искусства (математику, геометрию, астрономию, музыку).

Обращаясь к великим произведениям Сократа, Платона, Аристотеля и других мыслителей Античности и Средневековья, Адлер подчеркивает значимость названных учебных дисциплин, овладев которыми можно было бы приступить к постижению высшей науки — философии. Это важный аспект воспитания образованного человека, приобретающего навыки свободного применения знаний и проявляющего мощь разума и силу чувств. В заключение первой части М. Адлер подчеркивает: людям «важно обогатить свою жизнь мастерством, необходимым для участия в качественном разговоре, а также волей и мотивацией, побуждающими в значительную часть досуга общаться, а не “убивать время” на массу пустых занятий»*.

К сожалению, не только в Америке, но и в России риторика и логика потеряли былую значимость. Предпочтение отдается тестам, ГИА, ЕГЭ, а не умению анализировать, работать над идеями и даже «не письменной речи, которая служит для передачи мыслей, идей, знаний и понимания»**. XXI столетие ломает установившиеся веками традиции, меняет миропредставление человека о взаимодействии с окружающей действительностью, обедняет речевую культуру, насыщая однотипными высказываниями, штампами, шаблонами, эмограммами и другими условными пиктографическими изображениями.

Сегодня часто приходится слышать: «Человек разумный», «Человек читающий», «Человек свободный в мире без границ...»; и одновременно — «Поколение одного пальца», «Человек-эсэмэсочник», «Геймер-человек». Такая тенденция демонстрирует расслоение общества, в котором все большую роль будут играть знания и умение ими пользоваться. Однако мало быть уверенным, что можно прочесть книгу и освоить

* Цит. по М. Адлеру наст. изд. С. 30.

** Цит. по М. Адлеру наст. изд. С. 23.

азы той или иной науки, стать эрудитом, способным к искусству ведения диалога... Поэтому Адлер конструирует алгоритм познания, позволяющий соединять полученный опыт с новыми знаниями не только с теоретической, но и практической точки зрения, совершенствуя культуру общения, развивая способность понимать окружающих.

Алгоритм «говорение и слушание», по сути, аналогичен алгоритму «письмо и чтение». Обе пары предусматривают такое применение языка, при котором одно сознание устанавливает контакт со вторым. Однако XX и особенно XXI век резко опровергает эту истину, и мы все больше и больше занимаемся «схоластикой письма». Мы теряем самое главное — адлеровские алгоритмы, понимание, что и зачем в итоге должны получить.

Мы видим, как много в последнее время рождается литературных произведений. Одни входят в «Золотой фонд мировой классики», другие исчезают, так и не встретив своего читателя. Одни блистают «риторическими украшениями», другие блекнут в постоянных повторах и отсутствии содержания. Порой мы встречаем судьбоносные слова, которые переворачивают наш мир, а иногда скользим взглядом по строчкам, не улавливая сути написанного. Как в такой «быстротечной реке» найти то, что делает нас лучше и мудрее, как научиться «дирижировать оркестром своей жизни», парить мыслью, добиваясь утонченности ума и основательности суждений?

Ускользящее время и необъятное пространство не позволяют нам достичь совершенства, однако новые мысли и идеи побуждают нас изменять созданное, улучшая его качество. А затем снова и снова, работая над собой и своим творением, «играть в догонялки» с разумом, рассудительностью, пронизательностью и прозорливостью. И вот мы опять стараемся нечто изменить, а оно опять убегает, но все же мы властны что-то исправить. С другой стороны, как подчеркивает Адлер, может быть, уже и поздно что-либо менять. Например, в случаях произнесения речи оратором, когда «он должен ухитриться выступить так, чтобы его поняли с первого раза», ибо не может вернуться к сказанному, возврата нет: «слово не воробей, вылетит — не поймаешь». Но не только это играет роль в успехе оратора... Вера в истину? Приверженность служению обществу?... Например, в одной из своих речей

Демосфен отметил, что не слова и звук голоса создают славу, а выбранное направление политики.

Мортимер Адлер постоянно проводит границы в системе речевой коммуникации, обостряя различия между чтением, письмом, слушанием, говорением, обращая внимание на развитие конкретных языковых навыков. Автор стремится выстроить логику в построении всего цикла — от начального этапа зарождения мысли, ее фиксации, чтения, говорения, слушания и диалога, когда автор старается донести до аудитории в различной интерпретации свою «абракадабру». С сожалением автор подчеркивает, что философская риторика, сократические диалоги и многое другое растворяется в веках. Так в воздухе повисает вопрос: что ждет нас, если мы утратим книжную культуру, культуру речи, этику общения? Мычание и покачивание головой или 30 слов, будто у персонажей произведений И. Ильфа и Е. Петрова?

Но вернемся к произведению Адлера... Постигая его, можно ознакомиться не только с опытом самого писателя, но и с богатыми историческими примерами освоения тактики и поведения в той или иной ситуации при использовании той или иной формы коммуникации. Однако в этом богатстве порой «рецептурного» материала все же недостает тезауруса и, возможно, типологизации. Например, перечислим несколько ключевых терминов, на которые обращает внимание автор: «письменная речь и чтение», «устная речь или говорение», «мимолетная и непостоянная устная речь», «письмо с чтением», «говорение со слушанием», «эффективная речь как средство коммуникации и общности», «разговор сообщества», «язык жестов и мимики», «риторика и логика», «ораторское искусство», «диалог», «дебаты», «диспут», «беседа», «дискуссия», «консенсус и аргументация в диалоге», «говорение и слушание для достижения конкретной цели», «лекция на конкретную тему», «частное и общественное во взаимодействии с сознанием», «этос», «пафос», «логос», «энтимема», «таксис», «лексис»... Невольно при осмыслении прочитанного возникает мысль, что происходит, казалось бы, «сумбур». Однако это лишь аспекты нашего постоянного жизненного участия в повседневном взаимодействии с обществом или в общении с конкретными особями посредством чтения, писания, говорения и слушания. И в этом плане настоящий опус, пожалуй, важно

воспринимать не как учебник, а как живую сорокалетнюю практику специалиста, которого «зацепило» отторжение Великих Книг в XX веке и «уход в обобщение» незаурядных идей, создание шаблонности в восприятии уникальных жизненных параметров.

Все больше и больше знакомясь с философским диалогом, инициированным Адлером, чувствуешь, насколько часто в современном обществе возникает «схоластический разговор» или невнимательное слушание, создаются сложные записи и непонятное чтение. Поэтому и возрастает значимость адлеровского труда. Настоящее произведение можно воспринимать как своего рода путеводитель по нашим обычаям в области создания и понимания устной и письменной культуры, средством порождения интересных мыслей, озарений, постижения нашего несовершенства, возможности услышать и сказать: «Эврика! Я нашел!..»

Когда-то великие люди провозглашали: «учиться, учиться, учиться», а теперь все больше должно звучать — «общаться, общаться, общаться», чтобы не убивать время на «стеклянную пустоту». И в этом важную роль могут сыграть грамматика, логика, риторика, искусства, связанные с умением выражать мысли и чувства, убеждать окружающих и побуждать слушать, думать и поступать соответственно с получением практического результата, но осознавая, что должна быть «золотая середина», мерило в познании добра и зла.

Следуя за мыслями автора, можно постичь три фактора убеждения — этос, пафос, логос. На примере фрагмента из пьесы У. Шекспира (убийство Юлия Цезаря, речь Брута и Антония) Адлер демонстрирует преимущества и возможности практического использования обозначенных трех факторов. Однако автор на этом не останавливается, от убеждения он переходит к различным формам обучения, где задействовано искусство говорить, слушать, читать и писать, а в итоге — передавать информацию на уровне абстрактного мышления, расширяя пределы воображения. От обучения переходим к овладению мастерством убеждающей речи, постигая значение «таксиса» и «лексиса». Казалось бы, все просто, однако за этим стоит большой труд интеллекта.

Итак, обобщив предыдущие положения автора, мы вроде бы ощущаем себя уже достаточно подготовленными к различным жизненным перипетиям, но здесь Адлер «разворачивает» нас и предлагает

окунуться в самое главное — в успешное выступление на базе полученного опыта и предшествующих «вкраплений в наши мозговые клетки». Иносказательно говоря, телега есть, и лошадь есть, но каков наш путь и результат, к которому мы устремляем повозку?.. Каков будет результат нашего публичного выступления? Это аккорд нашего «выхода на публику», страх от неподготовленности, практика ошибок, заблуждения или выработка необходимого инструмента, который усилит наши позиции в различных жизненных ситуациях.

Адлер создает привязку к алгоритму ясности и четкости понимания. В процессе познания и обнаружения «середины» важно не только правильно говорить, владеть ораторским искусством, но научиться слушать и корректировать диалог. Если мы сомневаемся, значит, учимся преодолевать наше несовершенство, обретая точки опоры в личностном мировоззрении. Это значимо особенно сегодня, когда устная речь уходит от нас, ввергая в пучину односложного контента, когда возникает угроза утраты опыта эстетической и этической словесно-дуэльной схватки, взаимного сочувствия и понимания не только собственных интересов, но и того, что волнует собеседника. И в данном случае сократический метод ведения дискуссии, несмотря на всю его сложность, эффективен. Двустороннее движение при такой беседе может способствовать взаимному познанию, связывая индивидуумов в логической игре разума. Зачастую мы не обращаем внимания на данный процесс или в безумном потоке XXI столетия оказываемся невосприимчивыми к живой интеллектуальной беседе.

Счастье, что нам предлагают оглянуться, задуматься и обратиться к использованию огромного, наработанного веками духовно-аналитического материала. Данное творческое начало может найти отклик у читателей от мала до велика, дать почувствовать то единственное, за что надо ухватиться, преодолевая негативные ситуации в бегущем информационном потоке.

Надеемся, произведения Мортимера Адлера получат отклик в различных диалогах, диспутах, беседах, клубных встречах. Так можно найти выход из тупиковых ситуаций, в которых застой или пресыщение тормозят развитие современного, к сожалению, больного общества, а главное — продолжение пути гуманных взаимоотношений, благодаря чему наш зыбкий мир обретет равновесие.

P.S. Завершая диалог с М. Адлером, мы оказались в несколько затруднительном положении, ибо не до конца поняли значимость приложений в данном издании, в том числе «Речи памяти Харви Кушинга, произнесенной на ежегодном собрании Американской ассоциации нейрохирургов в апреле 1982 года». Ознакомившись с ними, мы приходим к выводу: как же несовершенно осознание нашего будущего в бесконечном познании! Так, в заключительных рассуждениях к «Речи...» прозвучало: «Пусть специалисты по компьютерным технологиям попытаются создать компьютер, который в беседе был бы неотличим от живого человека. <...> Будущее покажет, кто прав»*.

Диалог, который происходит в мире между гуманитариями и техническими специалистами, — это вечная философия, когда есть говорение и согласие в понимании, когда автор подумал и написал, когда оспаривается истина, когда происходит мутация мыслей для дальнейшего неосознанного движения в познании.

Отражение несовершенства человеческого восприятия последствий информационной революции XXI века заставляет предположить, что, возможно, появится и третья книга, которая позволит более глубоко раскрыть наш неоднозначный мир, где все быстро меняется и время становится все более и более неподвластным человеку, делая его роботом. Приложения, включенные в настоящее издание, помогают читателю *встроиться* в понимание будущего с опорой на прошлое и *выстроить* себя в настоящем.

Борис Семенович Есенькин,
доктор экономических наук, профессор,
академик Академии Российской словесности

* Цит. по М. Адлеру наст. изд. С. 198.

Аргуру А. Хогтону-младшему,
любящему прерывать собеседника в нужный момент

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мастерство, которому не учат

- 1 -

Как мы устанавливаем контакт с сознанием другого человека? Каким образом Другой* откликнется на наш посыл?

Иногда мы кричим, экспрессивно жестикулируем, используем мимику или другие телесные сигналы, но в большинстве случаев проще пользоваться языком: писать или говорить, с одной стороны, и читать или слушать — с другой.

Эти четыре способа применения языка делятся на две параллельные пары: письмо объединяется с чтением, а говорение — со слушанием. Компоненты каждой пары дополняют друг друга. Письменная речь не достигнет адресата, если ее не прочитать, равно как бессмысленно кричать в воздух, когда некому слушать.

Не секрет, что некоторые люди способны писать лучше других. Они делают это мастерски благодаря врожденным способностям или практике, а скорее, тому и другому. Но даже самый хороший текст бесполезен, когда попадает в руки неумелому читателю. Все мы понимаем: читать нужно учиться, и признаём, что некоторые умеют читать лучше остальных.

По всей видимости, то же самое верно для говорения и слушания. Отдельные люди от природы наделены способностями хорошо говорить, но для раскрытия таланта им все равно необходимо учиться.

* В соответствии с философской традицией, идущей от трудов Ж.-Ж. Руссо, под «Другим» подразумевается обобщенный образ собеседника, оппонента, партнера. *Примеч. ред.*

Аналогично умение слушать может быть врожденным или появиться в результате обучения.

В процессе взаимодействия одного человеческого сознания с другим выделяют четыре разных вида деятельности. Чтобы сделать общение эффективным, необходимо владеть всеми четырьмя. Каким из них вас учили в школе? Каким учат ваших детей?

Вероятно, навскидку вы ответите, что учились читать и писать и ваши дети учатся тому же. И, возможно, добавите, что не считаете полученные уроки достаточными, но по крайней мере они помогли вам освоить чтение и письмо на элементарном уровне.

Однако на этом уровне развитие письменной речи не заканчивается; оно продолжается в старшей школе и даже на первых курсах университета. При этом обучение чтению редко выходит за рамки элементарного. Разумеется, такой подход неверен, поскольку простейших навыков чтения недостаточно для восприятия самых ценных и достойных внимания книг. Именно поэтому сорок лет назад я написал руководство по развитию мастерства чтения, выходящего за рамки элементарного уровня, — «Как читать книги»*. Мастерства, которому не уделяют внимания в подавляющем большинстве школ и колледжей.

А как обстоят дела с говорением? Сомневаюсь, что хоть одного из нас в придачу к урокам чтения и письма в младшей школе учили еще и говорить. За исключением специальных курсов по так называемой публичной речи или занятий по коррекции дефектов речи в некоторых старших школах и колледжах, ни на одном этапе образования у нас не преподают искусство говорить как таковое.

Или слушание. Разве где-нибудь обучают слушать? Просто поразительно, насколько распространен стереотип, будто способность слушать дается с рождения и не нуждается в развитии. Не менее странно, что во всем образовательном процессе никто не учит правильно слушать — хотя бы на уровне, достаточном, чтобы «замкнуть цепь» и сделать эффективной речь как средство коммуникации.

Еще более поразительно, что оба навыка, которым нигде не учат, — говорение и слушание — гораздо труднее приобрести и преподавать,

* М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. — 344 с.

чем параллельные навыки письма и чтения. Полагаю, я могу сказать почему.

Люди часто сетуют, что выпускники школ и колледжей не умеют как следует читать и выражать мысли на письме. При этом мало кто жалуется на неразвитые навыки говорения и слушания. Действительно, уровень письма и чтения у тех, кто провел двенадцать лет в школе*, остается низким; но говорить, а тем более, слушать они умеют еще хуже.

- 2 -

За сотни лет до Гутенберга и его печатного станка умение говорить и слушать играло в образовании гораздо более важную роль, чем письмо и чтение. Иначе и не могло быть, ведь печатные книги отсутствовали, а рукописные были доступны лишь единицам. Всем, кто так или иначе получал образование — у частного педагога, в античных академиях или средневековых университетах, — приходилось получать знания, слушая наставников.

Учителя в средневековых университетах были лекторами, но само слово «лекция» в те времена имело несколько иной смысл. Только педагоги владели манускриптом, содержащим знания и пояснения, которые надлежало передать ученикам. Согласно этимологии слова, «лекция» — это чтение текста вслух и комментарии по ходу. Любые знания ученики приобретали, слушая, и чем лучше они умели слушать, тем успешнее учились.

В великих средневековых университетах Оксфорда и Кембриджа, Парижа, Падуи и Кельна базовое образование предполагало подготовку в области, которую в античном мире называли «свободными искусствами»**. Сюда относились различные навыки обращения с языком, а также с математическими символами и действиями.

Платон и Аристотель, а вслед за ними и основатели средневековых университетов считали: научиться использовать язык для чтения

* Школьное образование в США продолжается 12 лет. *Примеч. ред.*

** «Свободными искусствами» («artes liberales») в античном и средневековом мире называли грамматику, риторику, диалектику (их изучали в начальный период) и арифметику, геометрию, музыку, астрономию (высший этап). Без них, как считалось, невозможно постичь философию, считавшуюся высшей из наук. *Примеч. ред.*

и письма, говорения и слушания позволяют грамматика, риторика и логика. К искусствам, овладев которыми, можно было выполнять измерения и расчеты, относились арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Средневековые студенты должны были освоить семь свободных искусств, чтобы стать бакалаврами. Слово «бакалавр» не означает, что они были холостяками, не посвященными в таинство брака*. Бакалаврами называли тех, кто приобщился к миру науки и при желании может продолжать образование на более высоком уровне: на факультете юриспруденции, медицины или теологии.

Степень бакалавра являлась своего рода свидетельством инициации, пропуском в мир высшего образования. Бакалавры не считались учеными; так называли тех, кто *научился учиться*, овладев соответствующими навыками — использованием языка и других символов.

В наши дни большинство людей, употребляющих выражение «свободные искусства» (точнее, его современную форму — «гуманитарные науки») или говорящих о гуманитарном образовании, не имеют ни малейшего представления о том, чем некогда были свободные искусства и какую роль они играли в античном и средневековом образовании на уровне, который мы сегодня называем начальным.

Отчасти причина в том, что с течением времени свободные искусства почти исчезли из программы образования.

Если взглянуть на расписание учебных заведений Америки в XVIII веке, можно обнаружить там занятия по грамматике, риторике и логике, которые по-прежнему воспринимались как дисциплины, связанные с овладением языком — умением писать и говорить, читать и даже слушать.

Но уже к концу XIX века грамматика сохранилась в базовой программе, а риторика и логика были исключены. А в XX столетии и обучение грамматике, за редким исключением, постепенно сошло на нет.

На смену свободным искусствам как признанным составляющим базового образования пришли уроки родного языка. В США

* В английском языке слово *bachelor* имеет два значения: «бакалавр» и «холостяк». *Примеч. пер.*

элементарным навыкам чтения и несколько более трудным навыкам письменной речи учат преподаватели английского. К сожалению, они обычно отдают предпочтение «сочинениям», «творческим работам» (англ. creative writing), а не письменной речи, которая служит для передачи мыслей, идей, знаний и понимания. Некоторые студенты учатся ораторскому искусству, но программа по риторике и близко не предполагает овладения навыками, необходимыми для успешных выступлений. И нигде, как я уже говорил, не учат слушать.

- 3 -

Те, кто жалуется на низкий уровень подготовки по письменной речи и чтению большинства выпускников наших школ и колледжей, ошибаются, думая, что достаточно исправить эти недостатки, и все наладится. Как будто если человек научился хорошо писать и читать, он* непременно станет хорошим оратором или слушателем. Но это же не так.

Дело в том, что говорение и слушание коренным образом отличаются от письма и чтения. Именно эти различия затрудняют процесс овладения необходимыми навыками. Попробую объяснить.

На первый взгляд кажется, что говорение и слушание по сути аналогичны письму и чтению. Обе пары предусматривают такое применение языка, при котором одно сознание устанавливает контакт со вторым, а второе реагирует. Если человек умеет делать это при помощи письменного слова, отчего бы ему не сделать то же самое устно? Если человек способен воспринимать письменную речь, отчего бы ему не реагировать на том же уровне на устную?

Однако эта мысль ошибочна, а причина кроется в непостоянстве и мимолетности устной речи. К прочитанному всегда можно вернуться, перечитать снова, что-то понять лучше. Совершенствоваться в понимании текста можно бесконечно, многократно его перечитывая. Я сам не раз проделывал это, читая великие книги.

* Хочу заметить, что, употребляя слово «человек» или местоимения мужского рода «он», «ему» и и т. п., я подразумеваю людей любого пола, не только мужчин. Я не всегда использую «он» и «его», «ему» вместо «он и она» или «его или ее»; мой выбор в конкретном предложении всегда обусловлен стилистическими особенностями. *Примеч. авт.*

Записав что-либо, всегда можно пересмотреть и откорректировать свои записи. Автор не обязан публиковать текст, не отшлифовав его до приемлемого уровня. С этим я также сталкивался при создании собственных книг и других текстов.

И когда мы читаем, и когда пишем, основная составляющая успеха — знать, как улучшить сделанное. Но это умение никак не поможет достичь совершенства в искусстве говорить и слушать, поскольку говорение и слушание преходящи и быстротечны, как исполнительское искусство, в отличие от чтения и письма. Последние ближе к живописи и скульптуре, в которых произведения неизменны.

Рассмотрим исполнительские искусства: театр, балет, игру на музыкальном инструменте или дирижирование оркестром. Ни одно конкретное законченное выступление улучшить нельзя. Вероятно, актер сможет сыграть лучше в следующем спектакле, но на сцене, здесь и сейчас, он должен стремиться сделать так хорошо, как только может. Когда опустится занавес, спектакль закончится — и уже ничего не исправить.

То же самое касается говорения и слушания. Нельзя улучшить уже произнесенную речь, а написанный текст — можно. В отличие от письменной речи устное выступление невозможно откорректировать. Попытка исправить ошибку часто делает высказывание еще более запутанным, чем вначале.

Разумеется, подготовленную речь можно редактировать перед выступлением, как любой письменный текст. Но спонтанную речь, экспромт — нельзя.

Можно выступить удачнее в следующий раз, но в каждой конкретной ситуации намеченного уровня необходимо достичь здесь и сейчас. Аналогично при живом общении невозможно удачнее что-либо выслушать. Слушать как можно внимательнее нужно именно сейчас, в данный момент.

У писателя есть хотя бы надежда, что читатели уделят его произведению достаточно времени, чтобы понять заложенный в него смысл, однако оратор на это рассчитывать не может. Он должен ухитриться выступить так, чтобы его поняли с первого раза. Временные интервалы

говорения и слушания совпадают — и то и другое начинается и заканчивается одновременно. С письменной речью и чтением совсем иная ситуация.

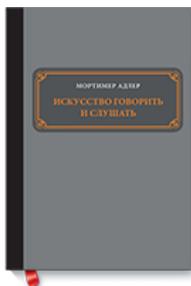
- 4 -

Пожалуй, из-за этих различий между чтением и письмом, с одной стороны, и говорением и слушанием — с другой, я не стал, закончив «Как читать книги», сразу же писать продолжение об искусстве слушания. Я отложил эту значительно более трудную задачу более чем на сорок лет. Наконец я понял, что дальше тянуть не стоит, поскольку слишком часто наблюдал почти поголовное неумение людей слушать.

Можно изложить принципы и правила качественного чтения, опустив принципы и правила написания хорошего текста. Именно так я и поступил в своей работе «Как читать книги», и это было оправдано, поскольку тогда меня главным образом заботило чтение самых лучших книг, которые, безусловно, прекрасно написаны.

Переходя от письменной речи к устной, мы сталкиваемся с иным положением дел. Письмо может существовать отдельно от чтения; собственно, именно так все и устроено в школе. Но невозможно разделить говорение и слушание, хотя бы потому, что важнейшие типы говорения и слушания относятся к разговору или беседе — а это всегда двусторонний процесс, в котором мы участвуем в обеих ролях.

Можно научиться строить непрерывную, монологическую речь. Этим навыком возможно овладеть, не умея слушать. Точно так же существует и чистое слушание. Его тоже можно освоить, не умея выступать. Но научиться вести разговор, беседу или дискуссию нельзя, не научившись говорить и слушать.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks